

Будь то Гу Ция или Кевин Мэтью, Сюй Юнь не могла просто игнорировать их дела. Все они были тесно связаны с ним.

Мэтью уже втянул в неприятности весь Большой Круг, оставив на этот раз американца без разрешения, и, вероятно, до сих пор не знает об этом. В этом случае Сюй Юнь почувствовал, что ему тем более необходимо поговорить с Матфеем лично. По крайней мере, дайте ему знать, как американцы были в ярости из-за того, что он уехал.

Это позволило бы Матфею осознать для себя, насколько он важен, что он на самом деле значил для Китая, и каковы именно причины отказа американцев от него так сильно нуждались в взвешивании самого Матфея.

Некоторые вещи могут показаться ненужными, но на самом деле это не так.

После того, как повесил трубку телефона Ван Мада Сяо, у Сюй Юня появилось еще одно желание выкурить сигарету, но Линь Ге открыл дверь и прервал свои мысли о курении: "Брат, если ты нужен обратно в Яньцзин, не беспокойся о том, чтобы пойти. Я позабочусь об этом здесь. Только не волнуйся о сестре Гу, я позабочусь об этом."

"Мне нужно вернуться в Яньцзин, а Гу Цзя тоже должен поехать со мной". Сюй Юнь сказал: "Я очень рад по поводу Шэньцзяна, Е Цзы знает это место как заднюю часть руки, а Цзы и другие уже знакомы с ним, так что отель не столкнется с какими-либо серьезными проблемами. Это сторона Циндао, в которой я не уверен".

За Циндао беспокоилась не только Сюй Юнь, но и Линь Гэ, в конце концов, Фань Я был на Циндао вместе с Циньшань и Гуогуо.

Сюй Юнь бледно улыбнулась: "Голубчик, тебе не нужно беспокоиться о делах Яньцзина. Я сам справлюсь. Иди помоги мне навестить Циндао, с тобой там я смогу избавить тебя от беспокойства".

"Брат, ты сказал это не нарочно, потому что Фан Я на Циндао, не так ли?" Лин Джи сказала с некоторой путаницей.

"Конечно, нет". Сюй Юнь сказал: "Но опять же, тебе действительно стоит поехать в Циндао, чтобы составить компанию Фан Я. В конце концов, люди были с тобой только недолго, и ты так занят каждый день, что не можешь увидеть дракона".

После паузы Сюй Юнь вздохнула: "Конечно, я тоже виновата в этом, если бы не я, тебе не пришлось бы быть занятой и спокойно строить свои отношения". Как это все еще может быть так, что ты даже не можешь болтаться целый день".

"Брат, я не буду счастлив, если ты это скажешь." Лин Джи сказала: "Разве не поэтому я пришла помочь тебе".

Между братьями не было необходимости много говорить, не было никого, кто бы кого-то беспокоил и кто кому-то должен. Если бы они считали так ясно весь день, то не были бы братьями. Но Сюй Юнь был очень ясен в своем сердце.

"Тогда приготовьтесь к поездке в Циндао сегодня, скоростной поезд также удобно, ходит вода, я попрошу Цяньцзы отправить вас на вокзал скоростного поезда, вы позвоните Фан Я и

попросите ее поговорить с сестрой Мороз и договориться о том, чтобы кто-нибудь забрал вас". Сюй Юнь сказала: "Когда вы видите Фан Я извиняюсь перед ней за меня, за то, что одалживала своего парня на столько дней. Мне очень жаль, что так вышло."

"Хаха, это определенно тебе принесут". Линь Ге горячо хихикала, а отпуск Фань Я в середине года был всего лишь десять дней, так что ей действительно стоит провести с ней еще несколько дней. Так как брат Юн обладал такой добротой во взрослом возрасте, он не был вежлив, он был уверен, что брат Юн способен продолжать заниматься делами Яньцзина, и он не мог ничего с собой поделать, если бы поехал.

После того, как Цянь Цзы отослал Линь Гэ, Сюй Юнь также объяснил Гу Ця о Кевине Матфее.

Гу Ця был весьма шокирован, оказалось, что Кевин Мэтью, известный супергений в области военного оружия, имел такое личное происхождение, его отец на самом деле был секретным агентом. А цель Кевина Мэтью вернуться в Китай на самом деле заключалась в том, чтобы отомстить, сделать такую опасную вещь.

"Я знаю, что ты все еще злишься на меня и Матфея в своем сердце, но мне очень нужно, чтобы ты пошла со мной." Сюй Юнь сказал: "Более того, я верю, что в Америке Мэтью все еще имеет некоторые связи и может быть в состоянии помочь нам".

Отец Гу Ция был до сих пор неизвестен, и этот вопрос действительно требовал, чтобы кто-то, имеющий связи в Соединенных Штатах, мог это сделать.

"Я знаю о твоих добрых намерениях". Гу Ция сказал Сюй Юнь: "Если я могу чем-то помочь, я сделаю все, что в моих силах. А американцы настолько высокомерны, что я тоже хочу, чтобы наша страна была сильнее, чтобы китайцы могли держать голову выше снаружи! Тогда никто не будет смотреть свысока на нас, китайцев снаружи, и никто не посмеет задирать нас, китайцев снаружи".

На протяжении всей истории заморского Китая он всегда тесно связан с четырьмя словами - трудолюбивым и униженным. Образ заморского китайца как трудолюбивого - это то, чем можно восхищаться и что можно похвалить в любой стране. Но вместе со словом "усердие" приходит и унижение.

В 1848 году большое количество людей из Гуаншэня влилось в золотые прииски в Калифорнии и жило как поросята в США, после чего серия антикитайских волн отправила китайских рабочих на дно пропасти. Белые люди на улицах Америки увидели, что китайцев можно издеваться и унижать по своему усмотрению, и схватили китайских рабочих за косички и поклонились, привлекая прохожих посмотреть и поаплодировать Китайские рабочие были убиты по собственному желанию, и бесчисленное множество из них трагически погибло в зарубежных странах. Они не могли вернуться домой, потому что, согласно закону Цин, их убьют, если они вернутся домой.

С тех пор иностранные китайцы носят шляпу, которая уступает другим.

Это была хорошая шляпа, но ее нелегко было снять.

После стольких лет, с момента окончания войны и основания нового Китая, особенно после реформы и открытия, международные метрополии, такие как Яньцзин, Шэньцзян, Гуанчжоу и Шэньчжэнь, а также иностранные студенты со всей страны вышли из страны и разбрызгали по всему миру, как одуванчики.

Поговорка "Там, где есть люди, есть китайцы" не является преувеличением. Они все еще полагаются на тяжелый труд, но им все еще трудно вырваться из унижительной ситуации тех, кто пришел до них. Жизнь стала богаче, чем в первые годы существования китайской диаспоры, и их статус в принимающих странах улучшился, но во многих случаях они все еще подвергаются неоднократным издевательствам.

Китайцы должны уменьшить и скрыть некоторое влияние китайского конфуцианства при взаимодействии с людьми в мейнстриме, особенно когда речь идет о спорах по интересам, так как китайцы верят в принцип терпения и мира. Они часто не говорят ни слова, когда их грабят или нападают на них, даже если их жизнь находится в опасности, и они мирятся с этим снова и снова. В западных странах это было бы равносильно добровольному отказу от гражданских прав, что более чем стоит потери.

Это культурное влияние, которое нельзя изменить.

Поэтому, если кто-то хочет, чтобы китайцев уважали за рубежом, нужно, чтобы Родина была еще богаче и сильнее, чем сейчас, чтобы весь мир знал силу Китая, мощь Китая, и только тогда китайцев можно было бы меньше издеваться.

И что еще более важно, когда родина сильна, он будет стоять перед людьми из других стран! Это рассуждение было связано, так же как и нижняя линия богатого и красивого мужчины из хорошей семьи, стоящего перед вешалкой из обычной семьи, была одинаковой.

Как китаянка, которая все время жила за границей, Гу Цзя рано поняла эту истину, и теперь перед ней была возможность. Кевин Мэтью мог бы дать качественный толчок китайской военной мощи, что было бы равносильно поднятию мощи и влияния страны на ступеньки.

В таком случае, Гу Цзя, безусловно, сделает все, что в ее силах, на карту поставлены не только жизненно важные интересы народа Китая, но и жизненно важные интересы всех китайцев за рубежом! Любой, у кого в крови есть кровь детей Яньхуана, выиграет.

В маленькой дороге, это был вопрос о том, что она дала Сюй Юнь лицо и пошла с ним в Яньцзин, чтобы встретиться с человеком, который вызвал их большой круг, чтобы страдать.

Представьте себе, если бы военная мощь Китая была намного выше, чем у США, осмелились бы американцы все-таки поехать в Ванкувер на поиски неприятностей с китайской организацией "Большой круг"? Определённо не осмеливайтесь ах!

Только так Гу Цзя тоже будет игнорировать прошлое, страна сильна, только тогда у страны появятся силы! Это одна и та же правда на протяжении тысяч лет. Почему американцы выходят с высокомерием, а африканцы склоняют головы и склоняют спины? Это является проявлением разрыва в силе страны.